

Татьяна Венедиктова

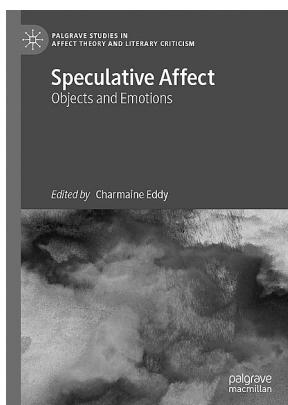
Аффект в спекулятивном измерении

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_350

Speculative Affect: Objects and Emotions / Ed. by C. Eddy.

Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2025. — XIV, 254 p. — (Palgrave Studies in Affect Theory and Literary Criticism).

Предисловие к сборнику статей «Спекулятивный аффект: объекты и эмоции» под редакцией Шармейн Эдди начинается с многозначительного извещения о том, что конференция, по следам которой собрана книга, состоялась накануне ковида. Пандемия продемонстрировала в глобальном масштабе агентность безличного вируса и ненадежность человекоцентрической логики и тем самым укрепила тренд, обозначившийся в философии двумя десятилетиями раньше, — к новому материализму, спекулятивному реализму, постгуманизму, объектно-ориентированной онтологии. Все, что так долго было на слуху: язык, дискурс, текст, знаковые формы, конституирующие для нас реальность и способные, как предполагалось, служить ключом к ее преобразованию, — все это утратило актуальность. Из разочарования в возможностях конструктивизма родилось желание вернуться к развилке, где совершился некогда «лингвистический поворот», и выбрать другую дорогу, «спекулятивную», в надежде, что она приведет к решению нерешенных проблем: через новую этику и «экологию интимности» (с. 8) — к единению «не только богатых и бедных, колонизаторов и колонизируемых, но также и материальных объектов, от которых зависит наша жизнь» (Джессика Хортон и Дженет Берло¹, цит. по с. 10). Ну хотя бы в отдаленной перспективе...

У «нового материализма» много родителей и целый веер вариантов. Общее ядро определяется не признанием превосходства духовного над плотским, телесным; неприятием дуалистической логики, противополагающей субъективное объективному; сомнением в способности и праве человеческой мысли объяснять окружающее и тем самым его себе подчинять; наконец, убежденностью в том, что аршин полезности неприложим к миру объектов, существовавшему и без человека и даже до возникновения жизни на земле. Одна из составляющих материалистического направления мысли — теория аффекта, понимаемого в данном случае как способность воздействовать и подверженность воздействиям — важнейшая составляющая опыта. Аффект, иначе говоря, ничуть не синоним эмоции или личного переживания, скорее это «доличностные и дорефлексивные напряжения» (*prepersonal and precognitive intensities*; из сборника об «аффективном повороте» в образовании²,

1 Horton J.L., Berlo J.C. Beyond the Mirror: Indigenous Ecologies and «New Materialisms» in Contemporary Art // Third Text. 2013. Vol. 27. № 1. P. 18.

2 Mapping the Affective Turn in Education: Theory, Research, and Pedagogies / Ed. by B.P. Dernikos, N. Lesko et al. New York; London: Routledge, 2020. P. 5.

цит. по с. 15), которые действуют в нас и посредством нас независимо от знания и сознания. Тело — не статичный объект, отзывающийся предсказуемыми реакциями на внешние воздействия, а скорее поток взаимодействий и изменений, микро- и макрособытий, динамикой которых отдельное существование сопрягается с системой бытия. Такова система посылок, объединившая коллег, по преимуществу североамериканских, чьи статьи представлены в рецензируемом сборнике.

Первый и самый интересный из трех разделов называется «К теоретизации спекулятивного аффекта». В нем выделяется эссе одной из звезд спекулятивного направления мысли Эрин Мэннинг — профессора Университета Конкордия в Монреале, теоретика культуры, политического философа и практикующего художника³. В сотрудничестве и иногда в соавторстве с Брайаном Массуми, с опорой на радикальный эмпиризм Уильяма Джеймса, идеи Чарльза Пирса, Альфреда Норта Уайтхеда, Жиля Делёза и Феликса Гваттари Мэннинг развивает направление, которое сама называет спекулятивным прагматизмом⁴. Опять-таки вместе с Массуми в рамках практико-теоретического проекта *SenseLab* — исследует интеллектуальные практики, предполагающие участие в них чувственных ощущений и движения, единство познания и творчества (*research-creation*), а также разрабатывает педагогику, отвечающую этим новым приоритетам. Эссе «Спекулятивный сад»⁵ похоже на манифест, а по манере письма — на лирическую прозу: композиция представляет собой монтаж из пяти частей и десятка «сцен» с интерлюдиями, язык метафоричен, местами темен. По выражению составителя сборника, текст Мэннинг словно витает над обрывом, разделяющим человеческое и нечеловеческое, упорно избегая определенности (с. 9). Сюжет такой: философ идет в ученицы к арбористу-лесоводу и в процессе совместных с ним прогулок учится быть в пространстве-времени леса, думать заодно с деревьями, отзываясь на до- и сверхличные ритмы бытия-становления. Искомый режим познания предполагает отвлечение от культурных кодов и символических паттернов, от единиц значения, обобщенных категорий, логических аргументов. Вместо всего этого — внимание к малому и сверхмаленному, неуловимо подвижному, чреватому изменением в каждой момент и в каждой точке. Погружаясь в процесс, пишущий, а за ним и читатель должны пережить постепенную, но радикальную переоценку ценностей.

Впрочем, не все авторы книги относятся к «материалному повороту» приветственно. Сkeptический взгляд представлен статьей Кимберли Дефазио (Летбриджский университет, Канада) и Амброхини Сахай (независимый исследователь) «Несвоевременные материалистические размышления об аффекте». Утрата интереса к субъектности, отмечают авторы, происходит в условиях, в которых привилегия быть субъектом доступна не всем. Возвышенность, с которой философы предпринимают прыжок в постгуманизм, — опора шаткая, поскольку разнородная. Преодоление разногласий, «идентичностных» распрея — дело хорошее, хотя и трудно достижимое, но много ли даст единение под флагом «безагентности»? Ставка левой теории последних десятилетий на микрополитику объясняется разочарованием в макрополитических стратегиях: масштабные изменения, достигаемые только кол-

3 В последнем своем качестве она занимается дизайном, танцем, интерактивными инсталляциями; один из ее проектов был представлен на Пятой московской биеннале современного искусства (2013).

4 См.: Manning E., Massumi B. Thought in the Act: Passages in the Ecology of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014; Manning E. For a Pragmatics of the Useless. Durham: Duke University Press, 2020.

5 Воспроизведится по сетевой публикации: URL: <https://www.minorcompositions.info/wp-content/uploads/2022/11/manning-outoftheclear.pdf>.

лективно, отнесены в разряд заведомых утопий даже в богатейших странах с развитой демократией. И наоборот, прирастают в цене терпимость к дистрессу, навыки самоутешения, разные способы отвлечения от констант «когнитивного капитализма», коль скоро с ними все равно ничего нельзя поделать. Разве не соблазнительно приписать историческим условиям и социальным отношениям онтологическую природу, объявить их подлежащими не объяснению, а только описанию под знаком телесности, вещественности, непознаваемости? Дефазио и Сахай резюмируют:

Аффект эстетизируется, а эстетика превращается в царство аффекта в условиях, когда противоречия, обусловленные отчуждением человеческого труда при капитализме, не могут быть разрешены в практической сфере, ибо это предполагало бы резкий разрыв отношений, основанных на частной собственности. Когда, иначе говоря, мысль самоустраниется, а противоречия повседневного существования разрешаются лишь в воображении — тогда теория аффекта оказывается своевременной (с. 93).

Эту диалектичность и критичность взгляда удерживает в себе статья редактора сборника *Шармейн Эдди* (Трентский университет, Канада) «Чувствует ли объект?». Эдди исследует аффект, «крепящийся» к объекту, на примере популярного документального сериала «Патологические накопители» (*Hoarders*, 2009). Зрителю предстает путающий образ болезненной привязанности к вещам, которые громоздятся вокруг человека любовно-неприкасаемой грудой, заполняют и съедают жизнь «хозяина». Предполагаемая сюжетом каждой серии образцово-показательная расчистка завалов хлама, демонстрация работы терапевта-психолога и эксперта по организации быта создают видимость локального решения проблемы, но в то же время побуждают думать о ее актуальной вседесущности, заставляют зрителя неохотно узнавать себя в отталкивающем «автопортрете».

Второй раздел сборника — «Спекулятивный аффект и экологические риски» — состоит из двух эссе и наглядно демонстрирует стремление материалистической мысли к образно-метафорическому выражению в новом ключе. Джон Мелилло (Аризонский университет) отслеживает жизнь морской волны — явления, в котором сила стихии делается непосредственно доступной чувственному восприятию (например, серфера). Кэтрин Сазерленд (независимый исследователь) приглашает «прочитать» сквозь призму теории аффекта сильнейшее в истории Японии землетрясение 11 марта 2011 года: ценимые людьми вещи мгновенно превращались в мусор, мусор — в страх, аморфные массы того и другого носились и до сих пор продолжают носиться в мировом океане. «Странная, замедленная сила вещей, запредельных для нашего контроля» (с. 155), демонстрируется на примере причудливого перемещения мотоцикла «Харли-Дэвидсон», принадлежавшего жителю острова Хонсю, на пляж в Британской Колумбии.

Третий раздел — «Аффективный объект искусства» — подводит вплотную к эстетической проблематике, принципиально важной, поскольку не раз речь заходит о становлении новой, неантропоцентристической эстетики, «в которой человек уже не был бы центром, зато почетное место в составе эстетического опыта занял бы объект, неодушевленный и неспособный к восприятию в обычном его понимании»⁶. Однако в трех статьях раздела рассмотрены лишь три конкретных кейса, и попыток выйти к теоретическим обобщениям не предпринимается. Так, Мэй Чю (Университет Конкордия) и Джессика Джейкобсон-Коунфилд (Летбриджский университет) анализируют перформансы канадских представителей ленд-арта Петера

6 Hayles N.K. Speculative Aesthetics and Object-oriented Inquiry // Speculations: A Journal of Speculative Realism. 2014. № 5. Р. 159.

фон Тизенхаузена, Кары Спрингер и Джин-ми Юн, подмечая трещины, сквозь которые в экологически ориентированное искусство может незаметно проникать патриархальный, колониальный, собственнический нарциссизм. *Юстина Виржовская* (Варшавский университет) в статье «Номадические объекты в землях несчастья» рассматривает две инсталляции Иоанны Райковской. «Землей несчастья» в данном случае является Польша, хранящая не переработанную, а лишь вытесненную из общественного сознания память о травме Холокоста. Как дать выражение тому, что скрывается от выражения слишком успешно? Решение видится в том, чтобы вместо памятников, апеллирующих к коллективно переживаемой эмоции, героической патетике или патетике скорби, создавать мемориальные комплексы, провоцирующие более сложный аффект. Такова, по мысли автора статьи, едва ли не самая известная из инсталляций Райковской — «Привет с Иерусалимских аллей». Эта искусственная пальма — подлинно «номадический объект», как будто случайно помещенный на развязке дорог, кольце де Голля в Варшаве. Там пальма стоит с 2002 года, время от времени по разным поводам меняя облик, и, парадоксальным образом, остается неожиданной, даже став привычной в городском ландшафте. Менее долговечным оказался другой проект Райковской на ту же тему — «Оксигенатор». Так был назван живописный искусственный пруд, созданный летом 2007 года на месте, где когда-то располагалось варшавское гетто. По замыслу художницы, это тоже попытка вдохнуть новую жизнь в место непрограммированной, подавленной травмы: зеркало пруда щедро дарит удовольствие с тонким привкусом боли — никого не обвиняет, не судит, не закрепляет идентичностей, а напротив, сообщает им подвижность.

Завершается раздел (и сборник) статьей *Фелисити Ги*, специалиста по литературному и киноавангарду из Эксетерского университета (Англия), под названием «Онтогенез как бунт: вселенная Рене Магритта». Здесь прочерчивается линия, соединяющая эксперименты Магритта и Алена Роб-Грийе: в обоих важны императив освобождения творческого импульса от критики, знания, власти и попытки представить объекту свободу, довериться «чудесному» (*le merveilleux*), взломав жесткие связи между образом, словом и смыслом. Здесь-то и можно задаться вопросом: учитывая принадлежность сборника к серии, посвященной «исследованиям в области теории аффекта и литературоведения», не странно ли, что о литературной теории в нем говорится мало, а о литературе — и того меньше, на уровне точечных, как будто пришедшихся к слову упоминаний? По сути, разговор о новой эстетике вращается вокруг многократно повторяемых аксиом, и если в спекулятивном направлении (в направлении «объектов и эмоций») мысль, определенно, продвигается, то о направлении литературном этого не скажешь.

А ведь было бы интересно посмотреть на нынешний «материальный поворот» в широком контексте чередовавшихся в европейской культуре «кренов» в сторону то субъективизма, то объективизма — то иронического скепсиса, то позитивистской преданности реализму. Не менее интересно посмотреть сквозь призму «нового материализма» на литературную историю последних двух или даже двух с половиной столетий. Занимаясь все более пристальным самообследованием, субъект неизбежно упирался в собственные границы, индивид открывал в себе (и даже начинал ценить!) доиндивидуальное; он же, отрекаясь от риторики, проникался доверием к доязыковым энергиям, при этом изощренное мастерство оказывалось неотличимо от самоотречения и наоборот. Вот, например, стихотворение Уоллеса Стивенса «Голая суть вещей» — попытка застать воображение в нулевой точке и одновременно апогею и, таким образом, передать суггестивно тот самый объективный аффект, который интересен «новым материалистам»:

Труднейшее, может быть, вообразить
Отсутствие воображения — пруд,
Застывший и тусклый, как око слепца,
Лохань грязно-серой воды, где гниют
Кувшинки, и с берега крыса глядит
На мусор, облепленный мокрою тиной

(пер. с англ. Г. Кружкова)

Подобные опыты нередки в романтизме, символизме, разных изводах модернизма и постмодернизма — почему бы не увидеть в этих элементах литературной традиции «спекулятивный бунт» (с. 229) *avant la lettre?* Но чтобы раскрыть линию преемственности, нужно выработать новую процедуру аналитического чтения, оперировать адекватным инструментарием. Располагаем ли мы таковым? Или какие тут есть предложения?

Дело осложняется тем, что «аффектологи», такие как Мэннинг и Массуми, в отношении методологии настроены скептически. Они ассоциируют метод с мертвящей повторяемостью, стандартизацией познавательной процедуры. Нормативный разум претендовал на «богоподобную способность судить и понимать» (с. 54), хотел встать над миром, дистанцироваться от него; разум же спекулятивный делает ставку на гаптику, касание объекта зрением или слухом, интуитивно-сочувственную сонастройку, погружение в шум — или гул, или шепот (*hum*) — существования. Поэтому так важно внимание к мелкой жестикуляции⁷, к ритму как пульсации действия в материи — жизненной или текстовой. В этом смысле интересны и, по-видимому, продуктивны экспериментальные практики аналитического чтения, культивируемые в *SenseLab*: чтение медленное, вслух, неодинокое, предполагающее спонтанный комментарий, тем самым соединяющее читателей одновременно с текстами и с собственной телесностью. Впрочем, не для всех эти подходы убедительны: есть и такие сторонники «нового материализма», в чьих глазах десубъективированное отношение к тексту предполагает, наоборот, его математизацию, квантификацию, компьютерный расчет — наподобие упражнений Франко Моретти в «дистантном чтении». Предполагается, что в результате текст заговорит сам, — или нам покажется, что он заговорил? С этим ясности нет, как нет ее в целом сектором движения по обозначенному маршруту: мы продвигаемся вперед или возвращаемся назад? Например, феминистический извод аффективных исследований в чем-то до странности напоминает гинокритику 1970-х годов, позднее изобличавшуюся в грехе биологического эссенциализма.

Поэтому знакомство со сборником — в той части, в какой он имеет или мог бы иметь отношение к изучению литературы, — оставляет противоречивое ощущение. Ясно обозначена цель, но неясен путь. «То, что мы называем путем, — это промедление», — гласит часто цитируемый афоризм Франца Кафки. Конечно, и неопределенность промедления может быть небесполезна. О развиваемом им направлении мысли Брайан Массуми однажды сказал так: оно должно помочь, пребывая в ситуации, не внушающей никаких надежд, искать все новые способы продолжить жизнь. Не надежда и не безнадежность служат при этом опорой, а исключительно pragmatика возможного: «*Neither hope nor hopelessness — a pragmatics of potential*»⁸.

7 См.: Manning E. The Minor Gesture. Durham: Duke University Press, 2016.

8 Massumi B. Of Micropereception and Micropolitics: An Interview with Brian Massumi, 15 August 2008 // Inflexions: A Journal for Research-creation. 2009. № 3 (URL: https://www.inflexions.org/n3_Of-Micropereception-and-Micropolitics-An-Interview-with-Brian-Massumi.pdf).